

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-18-22
УДК 811.161.1

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ПОСТРОЕНИИ ТЕКСТА ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ

© Константин Калинин

THE ROLE OF GRAMMATIC PARALLELISM IN TEXT CONSTRUCTION OF OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE

Konstantin Kalinin

The article considers the role of grammatical parallelism in text organization. Grammatical parallelism is defined as a technique that formalizes the structural and semantic correlation of constructions, implemented through the unity of grammatical forms and syntactic functions of related units and supported by repetitions of various linguistic units. For the analysis, we used the texts of Old Russian oratorical prose of the 11th – 16th centuries. At the level of organization of syntactic structures, we identified the following ways of including grammatical parallelism in the space of the text: the construction of homogeneous members of a sentence, the chain of predicative units (a period), the complex syntactic whole and the text as a whole. At the level of organization of text composition, we determined the role that the use of grammatical parallelism plays in the design of word series. Words, falling into similar positions of constructions, form a chain of linguistic units that allows the author of the text to express his/her thoughts, expand the ideological and thematic space of the text, and allows the reader to correctly understand the author's standpoint. The uniformity of adjacent structures, on the one hand, simplifies the construction of the text; on the other hand, it enhances emotionality and allows you to influence the reader or listener. The possibilities of grammatical parallelism in text organization are shown based on various monuments of Old Russian oratorical prose.

Keywords: grammatical parallelism, text organization, Old Russian oratorical prose, syntactic units, word series.

В статье рассматривается вопрос о роли грамматического параллелизма в организации текста. Грамматический параллелизм определяется как приём, оформляющий структурную и семантическую соотнесенность конструкций. Он реализуется через единство грамматических форм и синтаксических функций соотносимых единиц и поддерживается повторами различных языковых единиц. Для анализа были привлечены тексты древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. На уровне организации синтаксических структур были выявлены следующие способы включения грамматического параллелизма в пространство текста: построение однородных членов предложения, цепи предикативных единиц (периода), сложного синтаксического целого и текста в целом. На уровне организации композиции текста определена роль употребления грамматического параллелизма в оформлении словесных рядов. Попадающие в сходные позиции конструкций слова образуют цепь языковых единиц, позволяющую автору текста выразить свою мысль, развернуть идейно-тематическое пространство текста, а читателю – правильно понять позицию автора. Однотипность смежных конструкций, с одной стороны, упрощает построение текста, а с другой – усиливает его эмоциональность и позволяет оказывать воздействие на читателя или слушателя. На материале различных памятников древнерусской ораторской прозы раскрываются возможности грамматического параллелизма в организации текста.

Ключевые слова: грамматический параллелизм, организация текста, древнерусская ораторская проза, синтаксические единицы, словесный ряд.

Изучение текста как высшей языковой единицы, составленной из единиц языка других уровней, требует выяснения принципов и приемов их соединения. Среди других мы выделяем грамматический параллелизм, на наш взгляд, яв-

ляющийся важнейшим принципом текстообразования, характерным для словесных произведений различных стилей и эпох в истории развития русского литературного языка.

Определяющими характеристиками конструкции грамматического параллелизма, на наш взгляд, являются следующие:

а) структурная однородность соотносимых фрагментов конструкции;

б) семантическая соотнесенность соотносимых фрагментов конструкции;

в) единство грамматических форм и синтаксических функций соотносимых слов и сочетаний слов;

г) повторы как организующий принцип конструкции приема: лексические, грамматические, реже – фонетические [Калинин, с. 18].

Отметим, что сама суть употребления грамматического параллелизма, в целом, основана на повторении смежных фрагментов текста. Роль повтора в организации художественного текста многократно отмечается исследователями. Так, Ю. П. Папьян пишет об этом следующее: «Повторение играет важную роль при создании соотносительных связей в тексте. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить звуковую инструментовку, рифмы, омонимы, паронимы, синонимы, фигуры речи. В тексте можно обнаружить повторение звуков, морфем, корней, слов, конструкций, смыслов. Повторение информативно, оно говорит о простом правиле: если нечто повторяется, а значит, подчеркивается, выделяется, следовательно, это важно для передачи информации» [Папьян, с. 66]. Это положение в полной мере относится к употреблению грамматического параллелизма.

Конструкции грамматического параллелизма не существуют изолированно от других элементов композиции текста. Они включаются в текстовое пространство, соединяясь и переплетаясь с языковыми единицами различных уровней. Также отметим, что вариации и несовпадения структуры частей грамматического параллелизма не только не нарушают общего впечатления от соотнесенности фрагментов текста, но и позволяют выразить авторскую позицию и усилить выразительность словесного произведения.

Для исследования нами были выбраны тексты древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. Это определяется тем, что указанный прием называется исследователями как характерный для памятников этого жанра (И. П. Еремин, Н. С. Демкова, Н. В. Николенкова, Л. И. Сазонова, Л. Н. Точилина и др.).

Рассмотрим возможные формы включения конструкций грамматического параллелизма в языковое пространство текста. На уровне синтаксической организации текста можно выделить четыре способа их включения.

1. Первый способ заключается в том, что смежные конструкции грамматического параллелизма представляют собой ряд распространенных однородных членов предложения. Каждый член этого ряда с зависимыми словами составляет структурную единицу конструкции. Параллелизм достигается с помощью подбора подобных зависимых слов и их расположения в тексте. Приведем два примера из текста «Поучения» Владимира Мономаха (XII в.): а) ... *покры ма (1) от соньма лукаваго и (2) от множества дѣлающихъ неправду*; б) ... *научиса по евангельскому словеси (1) очима управленье (2) языку удержанье (3) уму смѣренье (4) тѣлу порабощенье (5) гнѣву погубленье* [Камчатнов, с. 328–329].

В первом примере конструкция грамматического параллелизма организуется внутри одного предложения (предикативной единицы) с помощью распространения однородных дополнений *соньма* и *множества*, зависящих от глагола-сказуемого *покры*. Каждое из дополнений распространяется определением, стоящим в постпозиции. При этом в первом случае оно согласованное и выражено одиночным прилагательным, а во втором – несогласованное и выражено словосочетанием. Таким образом, грамматический параллелизм создается единством синтаксических функций соотносимых языковых элементов при небольшом расхождении конструкций. Вставка во второй части конструкции не нарушает общего принципа употребления приема и служит авторской задаче.

Грамматический параллелизм во втором примере также основан на распространении пяти дополнений, зависящих от глагола-сказуемого *научиса*: *управленье – удержанье – смѣренье – порабощенье – погубленье*. Ряд однородных членов предложения представляют также слова одной лексико-тематической группы, которую в контексте анализируемого памятника можно назвать как «необходимые для христианина качества души». Каждое из выбранных дополнений, в свою очередь, распространено дополнением, называющим, к чему следует приложить каждое из названных качеств: *очима – языку – уму – тѣлу – гнѣву*. Почти все слова этого ряда так или иначе указывают на человека. Важно, что они называют не части тела, а поступки. В этом контексте слово *гнѣвъ* не выпадает из общего ряда. В двух приведенных примерах ряды конструкций грамматического параллелизма связаны между собой перечислительными отношениями, они могли быть легко продолжены автором. Это обстоятельство также определяет прием как средство организации текста.

2. Второй способ связан с организацией предикативных единиц с помощью грамматического параллелизма. В этом случае центром каждой части приема является сказуемое, чаще всего выраженное глагольной формой. При однотипном расположении зависимых от нее слов формируется прием грамматического параллелизма. Покажем это на двух примерах из текста «Моления Даниила Заточника» (XIII в.): а) (1) ... *очима бо плачюцца со мною а (2) сердцемъ смеют ми ся*; б) (1) ... *гусли бо строатся персты а (2) тѣло основаетса жилами (3) дубъ крѣпокъ множествомъ коренна (4) тако и градъ нашъ твою дръжавою* [Там же, с. 543]. В первом примере сказуемое с показателем возвратности *ся* распространено обстоятельством, выраженным формой творительного падежа с орудийным значением и расположенным в препозиции, и дополнением, выраженным местоимением *язь*. Между предикативными конструкциями формируется семантика противопоставления. В отрывке используются следующие средства выражения указанного значения: союз *а*, антонимы *плачюцца – смеют ся* и контекстные антонимы *очима – сердцемъ*, выражающие противопоставление внешнего и внутреннего, видимого и невидимого.

Структурной особенностью второго примера является неполнота последней конструкции, заключающаяся в пропуске предиката, который может быть восстановлен с учетом контекста (*строатся, основаетса* или *крѣпокъ*). Это можно объяснить тем, что в этой фразе прямо выражена авторская идея, которая раскрывается через первые три части отрывка. Между ними формируется семантика сравнения, подкрепленная употреблением союза *так*. Этот пример показывает возможности грамматического параллелизма в реализации принципа цепочечного нанизывания предикативных единиц, о котором было сказано выше. Такие построения могут быть соотнесены с понятием периода в синтаксисе современного русского языка.

3. С помощью грамматического параллелизма может быть построена более крупная единица организации текста – сложное синтаксическое целое. По определению Н. С. Валгиной, оно представляет собой структурно-семантическое единство нескольких относительно самостоятельных предложений. Параллелизм, по указанию исследователя, является одним из средств связи в сложном синтаксическом целом [Валгина, с. 391–392].

Примером такого построения в тексте древнерусской ораторской прозы является отрывок из «Слова некоего христороубца, ревнителя по пра-

вой вере» (XIII–XIV вв.): ... *так* и мы братие (1) *възненавидимъ диявола (2) а Христа възлюбимъ (3) во иже крестихомса и (4) во нь облекохомса (5) и его хлѣбъ ѣмы (6) и его чашию пьемъ (7) и здрави бываемъ (8) и живи есмы о немъ* [Камчатнов, с. 352]. В этом отрывке текста представлено восемь конструкций, которые попарно являются параллельными друг другу. При этом между первой и второй реализуется семантика противопоставления (*дияволъ – Христость*), а последующие усиливают развертывание темы о Христе. Это семантическое единство подчеркивается использованием в пяти частях анафорических местоимений, стоящих в одних позициях соседних частей конструкции: *иже – нь – его – его – о немъ*. Эти части конструкций попарно реализуют семантику повторения мысли, поддержанную контекстными синонимами: *крестихомса – облекохомса, хлѣбъ – чашию, здрави – живи*. Первая пара отсылает читателя к апостольскому определению крещения: *Все вы, во Христа крестившиися, во Христа облеклись* (Послание к галатам св. ап. Павла III, 27) [Святое Евангелие..., с. 367], а вторая – к двум составляющим причастия. Можно утверждать, что грамматический параллелизм в этом отрывке является определяющим приемом его структурной организации и семантического объединения элементов текста.

4. Наконец, анализ широкого круга текстов древнерусской ораторской прозы не позволил найти памятник, все конструкции которого были бы построены с помощью грамматического параллелизма. Однако полагаем, что для некоторых из них этот прием становится системным для всего текста и поддерживает общую идею текста. Приведем пример. На наш взгляд, грамматический параллелизм является приемом текстообразования в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.) [Камчатнов, с. 483]. Большинство конструкций, построенных с его помощью, реализует семантику противопоставления. В этом тексте найдено более ста случаев употребления приема. В этом же тексте нами была найдена самая большая конструкция грамматического параллелизма, состоящая из тридцати четырех частей, построенных по одной структурной и семантической схеме.

Таким образом, проведенный анализ позволил выяснить роль грамматического параллелизма в организации синтаксических структур текста.

Отметим также возможности употребления грамматического параллелизма в контексте композиционного построения текста. По В. В. Виноградову, композиция текста определяется как

«система динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [Виноградов, с. 49]. Такое понимание принципа организации текста находит продолжение в других исследованиях. В частности, следует отметить работы А. И. Горшкова, Ю. М. Папяна, Н. В. Пилипенко, М. М. Шитьковой в области изучения словесных рядов текста художественной прозы в синхронии и диахронии.

Важно отметить, что словесный ряд может представлять собой не только цепь слов, но и любых языковых элементов, которые, по определению А. И. Горшкова, «могут вместиться в слова или составиться из слов» [Горшков, с. 55]. В этом контексте конструкция грамматического параллелизма, состоящая как минимум из двух элементов (однотипно построенных сочетаний слов), позволяет рассматривать ее как словесный ряд в линейной (синтагматической) перспективе текста. С другой стороны, в такой конструкции формируются ряды соотнесенных между собой слов и выражений из смежных фрагментов текста, которые сходны в структурном и семантическом построении. Это определяется самой сутью приема грамматического параллелизма. Такие словесные ряды формируют парадигматическую перспективу текстового пространства.

Особое значение грамматического параллелизма для построения древнерусского текста можно объяснить тем, что этот прием является характерным для важнейшего принципа организации текста древнерусской книжности – цепочечного нанизывания предикативных единиц [Ринберг]. Это и определяет его значение в контексте организации структурно-семантического единства текста.

Рассмотрим отрывок текста «Слова на Собор 318 святых отцов» Кирилла Туровского (XII в.) в контексте сказанного о роли грамматического параллелизма в свете теории словесных рядов текста. Предложенный фрагмент представляет собой развернутое риторическое обращение к оппоненту: *Слыши, Арию, (1) безглавый звѣрю, (2) нечистый душе, (3) оканьный человекче, (4) новый Каине, (5) второй Иудо, (6) плѣтяный дѣмоне, (7) прельстьный змью, (8) церковный вѣгми вѣдоми тати, (9) необратный разбойниче, (10) нераскаемый грѣшьниче, (11) неукротимый на Христова овчата волче, (12) безбоязньный святыя вѣры разорителю и (13) хотящимся спасти пакостьниче, (14) Божий враже и (15) сыну погибѣли* [Еремин, с. 435].

В анализируемом отрывке, построенном с помощью грамматического параллелизма, представлена цепь из пятнадцати однотипных конструкций, каждая из которых разворачивается во-

круг оценочного имени существительного в звательном падеже. Они и составляют первый словесный ряд фрагмента: *звѣрю – душе – человекче – Каине – Иудо – дѣмоне – змью – тати – разбойниче – грѣшьниче – волче – разорителю – пакостьниче – враже – сыну*. Весь ряд относится к герою, обращение к которому вынесено как обобщающее слово ко всем конструкциям: *Арию*. Выбор именно этих слов для обращения к персонажу определяет отношение к нему и позволяет дать авторскую оценку. Неудивительно, что большинство слов самостоятельно выражают негативную семантику. Даже нейтральные слова *душе – человекче – сыну* в контексте получают отрицательное значение через их определение с помощью прилагательных *нечистый* и *оканьный*, слово *сыну* входит в библейский фразеологизм *сыну погибѣли*.

Выделенный словесный ряд распадается на другие, связанные тематически и по значению. Один из них состоит из личных библейских имен *Каине – Иудо*. Автор выбирает имена одних из самых отрицательных персонажей библейской истории: Каина, первого убийцы в мире, и Иуды, предавшего Иисуса Христа на крестную смерть. Исключительность действий Ария подчеркивается определениями *новый Каине* и *второй Иудо*.

Другой словесный ряд обращений характеризует персонажа как преступника: *тати – разбойниче – грѣшьниче – разорителю – пакостьниче*. Эти слова являются контекстными синонимами. Их употребление в небольшом фрагменте текста дополняет и раскрывает семантику друг друга. Кроме того, выбранные характеристики Ария также отсылают читателя к библейским текстам. Например, *Тать не приходит, развѣ да оукрадетъ и оубѣтъ и погоубитъ* (Евангелие от Иоанна X, 10) [Святое Евангелие, с. 412].

Наконец, ряд слов, обращенных к Арию, отсылает читателя к тем определениям, которые дают тексты Священного Писания дьяволу: *звѣрю – волче – дѣмоне – змью – враже*. Часть из них обозначает животное. Такой выбор ключевых слов дает ясное представление об авторском отношении к описываемому персонажу.

Каждое из слов этого ряда распространяется определениями, которые дополняют и усиливают эмоциональное впечатление читателя или слушателя. В анализируемом отрывке выделяется следующий ряд имен прилагательных, выражающий в личности Ария идею об абсолютном зле и необратимости этих качеств: *безглавый – нечистый – оканьный – прельстьный – необратный – нераскаемый – неукротимый – безбоязньный*. Каждое из этих слов определяет уже

названный ранее ряд обращений к Арию и подчеркивает авторскую идею в тексте.

Таким образом, проведенный анализ отрывка текста, построенного с помощью грамматического параллелизма, показывает, что выделение словесного ряда, состоящего из слов, находящихся в одинаковой позиции в смежных конструкциях текста, позволяет автору разворачивать свою идею, а читателю – понять ее.

Подводя итоги, полагаем, что с помощью предложенного исследования нам удалось показать роль использования грамматического параллелизма на синтаксическом и композиционном уровнях организации текста.

Список литературы

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.

Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 329 с.

Горшков А. И. Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования // Литературный язык и литература (статьи по истории и теории литературного языка). М.: Изд-во Литературного института имени А. М. Горького, 2007. С. 55–63.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XV. М.–Л.: Наука, 1958. С. 331–348.

Калинин К. А. Построение словесных рядов древнерусского текста на основе грамматического параллелизма // Слово в зеркале истории языка. Вып. 1. Набережные Челны: НГПУ, 2020. С. 18–20.

Камчатнов А. М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–XIV веков по рукописям X–XVII веков. М.: Академика, 2012. 623 с.

Папаян Ю. М. Отбор и организация языкового материала (к проблеме категорий стилистики текста) // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. № 2. М., 2005. С. 60–74.

Ринберг В. Л. Конструкции связного текста в истории русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 1981. 31 с.

Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на русском и славянском языках. СПб.: Синодальная типография, 1914. 464 с.

References

Gorshkov, A. I. (2007). *Kompozitsiia khudozhestvennogo teksta kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Composition of a Literary Text as an Object of Linguistic Research]. *Literaturnyi iazyk i literatura (stat'i po istorii i teorii literaturnogo iazyka)*. Pp. 55–63. Moscow, izd-vo Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo. (In Russian)

Eremin, I. P. (1958). *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo* [Literary Heritage of Kirill Turovsky]. *TODRL*. Moscow, Leningrad, No. 15, pp. 331–348. (In Russian)

Kalinin, K. A. (2020). *Postroenie slovesnykh riadov drevnerusskogo teksta na osnove grammaticheskogo parallelizma* [Construction of Verbal Series of the Old Russian Text Based on Grammatical Parallelism]. *Slovo v zerkale istorii iazyka*. No. 1, pp. 18–20. Naberezhnye Chelny, NGPU. (In Russian)

Kamchatnov, A. M. (2012). *Khrestomatiia po istorii russkogo literaturnogo iazyka. Pamiatniki X–XIV vekov po rukopisiam X–XVII vekov* [Reader on the History of the Russian Literary Language. Monuments of the 10th–14th Centuries According to the Manuscripts of the 10th–17th Centuries]. 623 p. Moscow, Akademika. (In Russian)

Papian, Yu. M. (2005). *Otbor i organizatsiya iazykovogo materiala (k probleme kategoriy stilistiki teksta)* [Selection and Organization of Linguistic Material (on the categories of text stylistics)]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. Moscow, No. 2, pp. 60–74. (In Russian)

Rinberg, V. L. (1981). *Konstruksii svyaznogo teksta v istorii russkogo iazyka: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Constructions of a Coherent Text in the History of the Russian Language: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 31 p. (In Russian)

Sviatoe Evangelie Gospoda nashego Iisusa Khrista na ruskom i slavianskom iazykakh (1914) [The Holy Gospel of our Lord Jesus Christ in the Russian and Slavic languages]. 464 p. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia. (In Russian)

Valgina, N. S. (1978). *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of the Modern Russian Language]. 339 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. 329 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 21.03.2021
Поступила в редакцию 21.03.2021

Калинин Константин Андреевич,
аспирант,
Московский педагогический
государственный университет,
119991, Россия, Москва,
Малая Пироговская, 1, строение 1.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
graduate student,
Moscow Pedagogical State University,

1 Malaia Pirogovskaia Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru